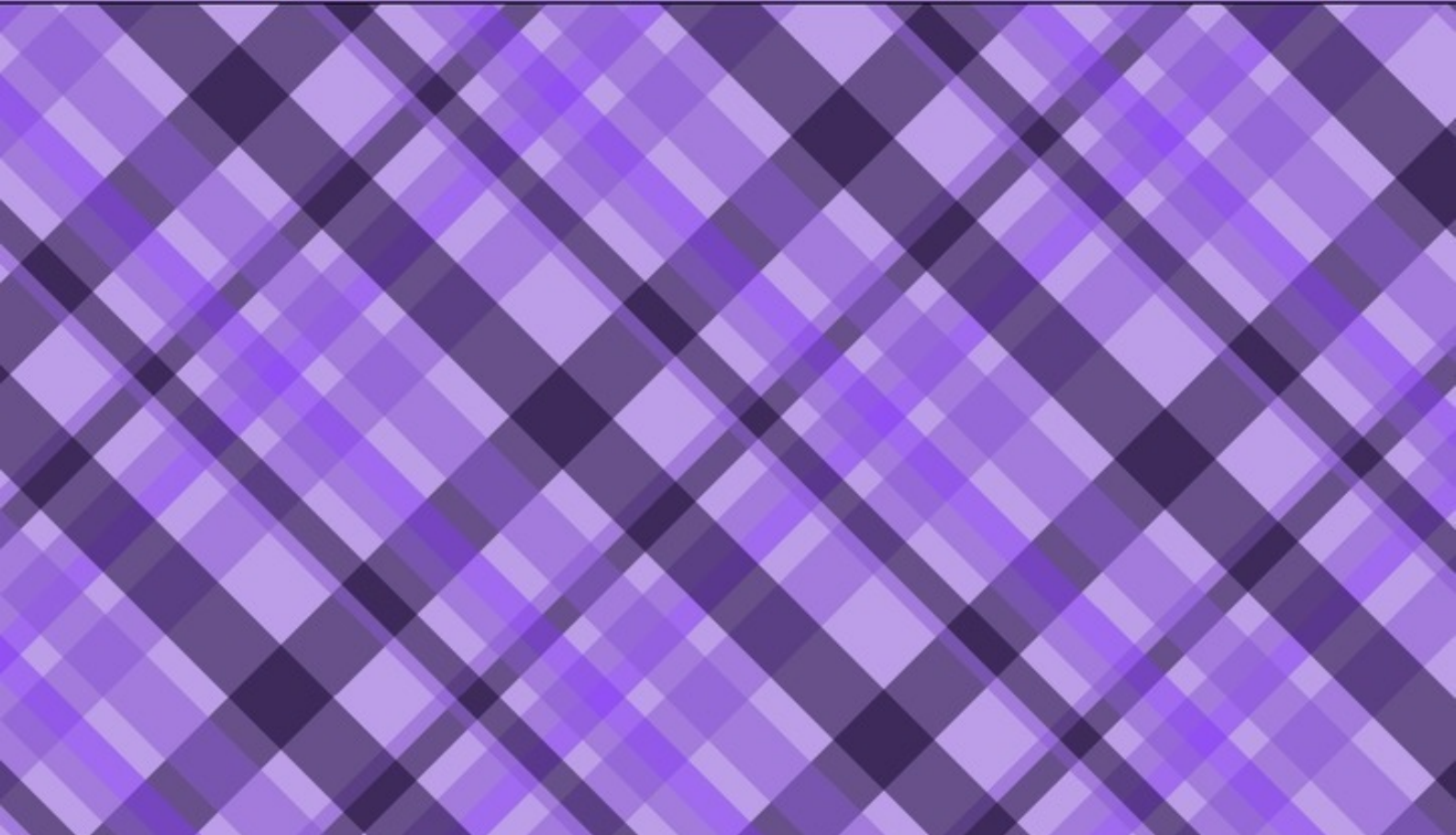

Анатолий Агарков

Детектор ЛЖИ

Любовь и смерть, добро и зло. Что свято,
что грешно, познать нам суждено.
А выбрать лишь одно дано. (В. Цыганова)

Анатолий Агарков

Детектор лжи

«Издательские решения»

Агарков А.

Детектор лжи / А. Агарков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904523-2

Женщины приходят и уходят. Одна ищет мужа. Другая деньги — готова к воровству. Но повесть не о них, а о неизбежности наказания за преступление. Зря воровка потирает руки, Судьба берет рычажные весы и совершает правосудие.

ISBN 978-5-44-904523-2

© Агарков А.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	16
3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Детектор лжи

Анатолий Агарков

*Любовь и смерть, добро и зло
Что свято, что грешно, познать нам суждено
А выбрать лишь одно дано*
(В. Цыганова)

© Анатолий Агарков, 2018

ISBN 978-5-4490-4523-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Всяк по-своему выживает – кто торгует, кто ворует.... Кому-то не повезло.

У меня работы нет, машина есть, вот и подался в бомбилы – по остановкам собираю пассажиров от Южноуральска до самой Увелки и обратно. Из конца в конец одиннадцать километров – доплюнуть можно, а двадцатку отдай (с четверых восемьдесят). Такси по вызову столик берёт, но там звонка ждать приходится, да ещё очередь.... А тут всегда работа есть – туда-сюда проедешь, пассажиров на остановках поменяешь, глядишь, полтора ста привезешь. За день в десять раз больше, а то и в двадцать – это как работать. Короче, жить можно.

Но есть и минусы.

Во-первых, это козлы-гаишники. Я себя с ними не больно-то авантажно веду – ибо торчащий гвоздь бьют по шляпке. Ну, остановили, ну, киваю: мол, виноват, начальник, не суди строго. А спорить начнёшь, он сразу прицепится:

– Лицензия есть? Нет? Смотри у меня – на крупный штраф нарываешься.

Вот он, добрый какой! Закон вышел, а не штрафует – жалеет наше мартышкино племя. А будет команда, сразу обует – такой он блюстителю непонятно чего.

А что лицензия? Она копеечная да за собой тянет штук тридцать ежеквартальных налогов – попробуй-ка заработать. Только давно известно: там, где закон несправедлив или неразумен, люди всегда находят способы его обойти.

– Да я понимаю, господин офицер, – кривишься жалобно, а надо бы по имени-отчеству: полицаев-то много, а Иван, скажем, Фёдорыч один. Ему приятно, что его знают и уважают.

И вообще, козлы-гаишники – компанейские ребята: дали приказ – пошла компания. Чтобы штрафы не собирать, надо знать, какая она у них сейчас – когда за детей в салоне дрючат, когда за ремень..., ну и не нарываться, не борзеть. А нет приказа, нет компании, они на нашего брата поглядывают, но не трогают – будто волки овец пасут.

Или вот ещё знак обормоты повесили на самую многолюдную остановку – «Остановка запрещена». Выглядит так – знак автобусной остановки, а над ним круг с крестом – мол, не хер тут делать всяким разным. Сей казус никому не понятен, кроме самих придурков с полосатыми палками. Стоишь – мимо едут, сигналият, отваливай, мол; другой раз подскочат и на пятихатку обуют. Ну, не козлы ли?

Во-вторых, это пассажиры – автобус видят, не садятся, хотя цена-то одинаковая. Не все, конечно, но большинство. Бывает – подходят, дверь откроют, а тут «ПАЗик» из-за угла. Сразу рыла у них меняются, небрежно машут – отвали, мол, редиска спелая. А не отвалишь, автобус замнёт – они с нашим братом не церемонятся. Так что и к пассажирам у нас свой счёт.

Нет, конечно, когда садятся, тут уж вежливей нас не бывает – и про погоду посудачим, и про рождаемость, и про виды на урожай. И не сказать, что на чаевые набиваемся – просто профессия обязывает.

В-третьих, это напряги между бомбилами. Хоть у нас и бригада считается, а по сути, мы все меж собою конкуренты. Причём, бригад две – в одной, как в армии, «старики», в другой всякая шалупень – гастарбайтеры из Чебуречии да местные аборигены вроде меня. За нас, если что, братва впрягается, за них – боксёры из Челябинска. Их меньше, но они борзее – гоняют нас с остановок людных. За это мы их гоблинами зовём, они нас шакалами – так и воюем. А вместе гоняем неорганизованных таксёров – тех, что никому не платят, а по остановкам шныряют.

Когда накопится взаимных претензий по самое, что говорят, «немогу», братва нас на «стрелку» собирает – гоблинов и шакалов. Летом всегда гуртовались в лесочке, у заброшенного пансионата «Сосна». Зимой – у дворца культуры «Энергетик». Вот как сегодня....

Спешились на площади у ДК, ручаться не стали – покуриваем, поплёвываем, друг на дружку поглядывая. Смотрели не сказать, чтобы приветливо, но, во всяком случае, без

вызова. Оно понятно – мы собрались сюда не учтивостями обмениваться, а утрясти кой-какие вопросы, но начинать разговор не спешили. Только когда братва подъехала, завязалось некое подобие общей беседы, хотя у гоблинов на лицах появилось одинаковое выражение – смесь насторожённости и брезгливости.

Слово за слово, разгорячились, заспорили – всяк свою правоту доказывает.

Гоблины:

– Откуда вы появились-то на нашу голову?

«Чебуреки» радостно заржали, а Петя Свешников за всех ответил:

– А вот оттуда – родила одна паскуда и велела сказать, что ей на вас наплевать.

Гоблины старались держаться официальнее – не по нраву пришлось им это безудержное веселье

– Мы в очереди на стоянке стоим, а вы подсакиваете на остановку и пассажиров выхватываете, как шакалы. Совести у вас нет, – Полковник, бригадир гоблинов, выжидательно замолчал, чтобы посмотреть, какой будет реакция на эти слова.

Реакция была всё та же: чебуреки просто закисли от смеха, а Джафара, посланца солнечного Азербайджана, эта реплика рассмешила так, что он прямо пополам согнулся.

– А у нас её отродясь не бывало.

Рая с красной «пятёрки» фыркнула и ринулась в наступление:

– Э-э-э, мужики! Одна среди вас женщина, и вы на ту готовы с кулаками!

Про неё в газете недавно писали – мол, за рулём своё призвание нашла.

Красномордый гоблин:

– Да какая ты женщина? Конь в юбке. Такой подвернёшься под копыто....

Мы заулыбались – ждали, что ему Раиля ответит.

Ромка, от братвы над нами поставленный, откусил заусенец с пальца и выплюнул – скучно ему.

– Вы хоть заоритесь тут – будет так, как скажем мы.

Гоблины насупились – лай прекратился: братву-то не стоит задирать.

Много ли проку от таких стрелок – сколько ни собирались, а воз и ныне там: они нас гоняют с остановок, а мы у них пассажиров тырим. Взрослые люди, а как пацаны.

– Может, помашемся, а, мужики? – здоровяк Юра Центеров был непротив.

От этого предложения зубы заныли – ой как не хочется в мои-то годы. А что же братва? За какие доблести мы им деньги платим – между прочим, немалые – пятихатку в неделю?

Полковник:

– Ну, это уже ни в какие ворота....

И повернулся к своей машине, а Юрдос ему баритоном в спину:

– Не уходи, побудь со мною – я так давно люблю тебя....

И даже травоядный Саня из Нагорного при братве раздухарился:

– Не хошь по рылу, гони отсель кобылу!

Вобщем, на «толковище» словами мы их забивали, а на остановках они нас – так материли, что.... но трогать боялись: братве только повод дай. Они по понятиям умоют любого и не посмотрят Полковник ты или рядовой.

Словом всякой херни хватает в нашей работе, но и романтика есть. Катишь, бывает, по асфальту рассветным часом, а на душе так задорно и весело, словно как в детстве, когда ещё маленьким брал меня с собой отец на охоту или рыбалку в такую вот раннюю пору. Пустые ещё улицы окутаны прозрачным, нежным туманом, но мой взгляд ни на нарядные фасады, ни на влажно посверкивающую мостовую – любуюсь нерукотворным чудом природы, именуемым «восход солнца». Еду и думаю, вот если бы каждый человек начинал свой день, наблюдая, как Божий мир наполняется жизнью, светом и красотой, то исчезли разом все гадости на планете – в омытой восходом душе просто не останется для них места.

Однако страшно представить, во что тогда превратятся пасмурные дни – все будут злые и недовольные, до денег жадные. Вот как вчера.... Еду, смотрю – Коля Яковлев (бомбила из наших) на остановке стоит. Ну, стоишь, стой – дальше погнал. А он по газам и за мной – норовит обогнать, и обогнал на повороте главной дороги с выездом на встречную полосу. А если бы кто навстречу попался – никак не разъехаться: слева забор, справа я, впереди смерть под колёсами. И тогда – прощай, любезная калмычка, твои глаза, конечно, узки, и плосок нос, и лоб широк, ты не лопочешь по-французски.... Меж собой мы его Башкиром звали.

И таких гонок с предаварийными ситуациями на дню по несколько бывает. Раз сошло, второй проскочило.... Ну, думаешь про себя, фартовый – а как не разъедешься, Бога клянёшь: куда ты, старый хер, смотришь? Короче, ремесло наше требует хладнокровия и готовности к риску.

Да ладно, что я всё о работе – есть ведь и личная жизнь у бомбил. К примеру, у меня это Светка. Нас сестра познакомила с этой конфеткой, когда работали вместе операторами в газовой котельной. Взгляда хватило, пару слов, и всё – запала в сердце, как десятка в колоду. Звоню однажды вечером: мол, приду – она адрес сказала. Дверь открывает в рубашонке ночной, шаль на плечах. Ноги голые, как попали в поле зрения, так я уже от них оторваться не мог – прильнуть хочется руками, губами....

Чаю плеснула.

– Соблазнять пришёл? Так не молчи – соблазняй.

Ладно, буду. Ведь поняла, умничка, что я не насильник, рукам волю не дам – коль не уговорю, так и уйду восвояси.

– А знаешь, Свет, я на досуге книжки пишу – о себе, о жизни. Хочешь, когда после моей смерти к тебе за интервью придут попораци, сказать им: да спала я с ним – так, ничего особенного в постели....

Она до слёз хохотала, потом вытерла их кончиком шали, рукой махнула:

– Уговорил.

Ночевать я у неё не остался и тем понравился ещё больше.

Стали встречаться. Сначала в шашлычку, а потом ко мне. У Светки особый дар обольстительницы – она разденется догола, напялит мою футболку, прикрыть ягодицы, и ходит туда-сюда, хлопчет в холостяцком хозяйстве. А что хлопотать-то – у бывшего старшины всегда в кубрике флотский порядок. Гостя же в неглиже то изогнётся, то наклонится.... Я на диване изнемогаю:

– Свет, ну иди сюда – хватит тебе.

– Что, уж дымится? А ну, покажи.

Я предъявляю свидетельство своей страсти, и начинаются священнодействия.... Не женщина, а мечта поэта, только прозаику досталась.

– Тебе хорошо со мной? – утомлённому шепчет. – Моим будешь навсегда.

Её лицо было близко-близко и пахло особенно – духами и сигаретным дымом.

– Я не против. Курить бросишь – поженимся.

Когда мы занимались любовью – то жадно и просто, то неспешно и изощренно, – всем существом моим овладевало пронзительное, непередаваемое словами ощущение, что счастье имеет плоть. Я всегда, с раннего детства твердо знал, что счастье – это мечты, это что-то желанное, но недостижимое, к чему стоит стремиться, пока в теле пульсируют жизни силы. Но теперь, после пятидесяти вдруг почувствовал его в своих объятиях. Но при этом не терял головы – знал, что его надо отпустить, от него надо отдалиться ненадолго, чтобы оно не превратилось вдруг в просто голую бабу. От него надо отдышаться, о нём следует помечтать, потосковать, а потом вновь устремиться за ним в погоню. И тогда мечта обретёт плоть, и плоть эта снова подарит счастье. Вот так я любил, и прибавить к этому нечего.

Кто-то может, считает, что на шестом десятке от рождества своего пора успокоиться на счет прекрасного пола. А я так думаю, что женщины – это чудо Господне, и отвращаться от них грех в любом возрасте. Как меняется жизнь мужчины, когда рядом окажется такая вот пра-пра...-правнучка Евы, без которой жизнь – сумерки.

Коротко говоря, встречались мы со Светиком душа в душу целых полгода, потом заявляет, что замуж выходит. Сама говорила, что натерпелась от благоверного – до конца жизни, мол, ей мужика в дом не надо. Со мной отдышалась – душа засвербела. Что делать? Ну, выходи, говорю, меня не бросай – будем любовниками. Нет, так, видите ли, она не может – верная в доску данному слову. Ну, дура баба, ясное дело.

– Иди, – говорю. – Хорошо живите. Меня лихом не поминай.

А на душе похоронный марш – любовь уходит с пожелтевшей листвой, и расстаёмся мы с тобой. Конечно, не в себе был после такого-то. Горевать по любимой в разлуке – это допустимо и даже достойно, но доставала обида, а то вдруг мыслью соскакивал с жалости к себе и начинал воображать, как, хапнув денег невероятную кучу (например, рукопись в Голливуде продаж), умыкну Светку от супротивника, увезу на Кубу в Дом Дюпона и буду там жить с ней в любви и согласии.

В подробностях – приеду за ней на новеньком белом «мерседесе», а не на своей «пятёрке» вишнёвого цвета 2008 года выпуска, за которую ещё кредит не выплачен. Неужто откажет? Да что её слушать – забрать у злодея-разлучника, и дело с концом. Схватить в охапку, не дать опомниться, посадить в машину и увезти. Это будет честно и мужественно, по-русски. Наверное, и Светка ждала от меня именно такого поступка, а я раскис, утратил волю, погряз в унынии и жалости к себе, и всё не ехал, не ехал....

Однажды даже трагедию выдумал: приезжаю, а разлучник навстречу – «Ты невестой своей полюбуюсь, пойдёшь – она в сакле моей спит с кинжалом в груди». Черте что....

Как я её после этой измены обратно принял? Тут либо одно, либо другое – либо любовь не перебродила, либо жалость (опять же к любимому человеку). Уж такой она была разнесчастной после полугодовой разлуки – второй раз, говорит, в человеке ошиблась. Тогда, при встрече, возникло у меня на лице глуповато-ошеломленное выражение, совсем несвойственное в обычной жизни.

– Где ты была? – спросил, лишь поверив, что она не привиделась. – Я так ждал!

Снова счастье в моей полуторке – в одной футболке порхает в ней фея. А обида – куда её денешь? – свербит.

– Ну, – спрашиваю, – чему тебя научил в постели твой последний муж?

– О чём ты? Ах, об этом.... Да нет, я женщина чисто плотная и гадостей над собой творить не позволю.

И подбоченилась:

– А что, гребуешь? Ну и вали тогда отсюда!

Валить-то куда мне из своей квартиры? А Светка могла, она такая – выпорхнуть полугодая на мороз. Нет, спохватилась – футболку скинула, одеваться стала. Я обеспокоился, и даже голос, иуда, дрогнул не вовремя:

– Слушай, это ведь ты меня бросила. И теперь издеваешься. Есть в тебе совесть?

Мой вид несчастный скорость её поубавил немножко – недоодевшись, она присела.

– Упрекать будешь, ноги здесь моей больше не будет.

– Ну, хоть попку оставь.

– Извращенец!

Заходила, обрадовалась – как я соскучилась по твоей берлоге! – даже по комнате закружилась. Теперь сидит бяка-букой – как та баба ноги сжала, которая ежа рожала. Впрочем, красивые они у неё – не отнимешь.

Эти мысли у меня от обиды. А вдуматься – и сам хорош: полгода встречались, ни одного подарка ей не сделал. И цепочка на ней не моя, и серёжки. Пользовался, как шлюхой: шашлычка – постель, шашлычка – постель.... Вот и ушла она к другому. А ведь любил её, любил....

Светка в кресле сидит, молчит и хмурится. Я, в чём мать родила, лежу на диване и думаю, как дальше на свете (на Свете?) прожить. Известно: всяк человек чужой доле завидует, а от своей нос воротит. Светка ушла, я так страдал, а вернулась – ещё пуще прежнего душа томится. За измену злился, а теперь, с её слов, действительно, какая-то брезгливость насунулась. Представить больно, как тот мужик её тискал-ласкал, мямлил восхитительное тело и впрыскивал в него своё семя. Господи, как ты допустил такое? Впрочем, на то была Светкина воля.

Что-то со Всевышним у нас непонятки. Уж как я его просил, просил – Боже Всемиловитый, верни мне Светку. Ну, вернул – теперь-то что? Без неё жить тухло, спору нет, но и с ней тоже не чистый мёд. Буду теперь вынюхивать на её теле незнакомые запахи и содрогаться от отвращения. Что за жизнь? Наверное, правду говорят, что дважды в одну воду нельзя войти. Зря я Светку сюда привёз, не разобравшись в своих чувствах. Может, Природа разрулит те вопросы, в которых запутался интеллект?

В философской печали овладел своей гостьей – она женщина слова, не могла уйти, не отработав шашлык. Так и любилась, угнетённые – я природой, она обязательством. Расстались, не договорившись о новой встрече. Погоди, погоди сам себя уговаривал и её удаляющуюся спину – вот наведу в бестолковке порядок, и, может быть, всё у нас наладится.

Женщина, говорят мудрецы, как монета – от частого пользования только сияет. А из меня какой мудрец – меня терзали другие мысли: «Что я ей, мальчик? Захотела – ушла, захотела – свистнула, и я тут как тут?» Несмотря на свою расплывчатость, резон был наиважнейший. В схватке двух миров, именуемой «любовью», всегда есть монарх и подданный, победитель и побежденный. Именно этот ключевой вопрос в данную минуту и решался. Быть подданным и побежденным я не желал и не умел. Но как ни ломал голову, ничего путного на ум не приходило, и решил сдаться на милость чувств, только по-новому надо строить с дамой сердца свои отношения – к чёрту шашлычки, в театры будем гонять, на концерты.

Но, увы – ум предполагает, а располагает Бог. Светка оказалась алчной на время – целый день, видите ли, ей жалко тратить на культурную программу (меня нелюбимого?). Опять шашлычка, опять постель.... Секос сделали и по своим делам – она домой заниматься ремонтом, я к компьютеру.

Чтобы хоть как-то совесть очистить, стал ей деньги предлагать. Светка гордая и упрямая: деньги от мужчин, говорит, берут жены и проститутки. Дак как же тебя, привязать, голубка, а то опять убежишь ненароком и не найдёшь дороги назад?

Учёные-женоведы говорят, что женщины бывают двух видов – те, которые в мужчине ищут отца, и те, которым нужен сын. С подругой из первой породы надо быть строгим – про жизнь не расспрашивать и вообще поменьше болтать, хмурить брови. А для той, которой нужен сын, следует прикинуться мальчиком скромным и нежным, которого сейчас добрая мама всему научит.

Я вот никак не мог понять, к какому из этих двух типов относится моя Светка – то она скромная девственница в постели, то неистова, как Орлеанская дева. А сама говорила, что мужикам для секса много ума не надо – помалкивать, громко сопеть и глаза таращить, чтоб чувства свои показать: если не кончу сейчас, то кончусь. Мол, у нас при виде голых баб вся эстетика забывается: из людей в скотов превращаемся – сплошные инстинкты. Но, добавляла, женщинам, которым за сорок, это нравится, потому что надоедает корчить из себя целомудренных.

Как-то сели в мой шарабан две девчонки, по виду – студентки. Лопочут, не умолкая. Одна толстушка разбитная, всё хохочет, а другая – тарань сушёная с поджатыми губами, науки какие-то поминает. Я не слушал, про своё думал. По Светкиному выходило: если грамотно

изобразить самца, то ни одна баба не устоит супротив – даже эти сопливые мокрошелки. Попробовать что ли заради проверки? Ну и попробовал. Сказал им всего-то пару ласковых – девчонки, мол, красота не только могучая сила, но и хорошо оплачиваемый товар. А дальше ни слова – понимаете, как знаете. Они, наверное, ничего не поняли – умолкли, на меня таращатся. А после пожаловались моим коллегам, обвинив в сексуальных домогательствах. Меня чуть из бригады за это не выгнали. Такие дела! То ли мачо из меня никудышный, то ли в девочках ещё не пробудились самки.

Светке сказал:

– Не пойму я тебя.... Хотя баб понимать – понималки не хватит. Дом есть, работа есть, сын взрослый, внуки растут.... Какого ещё тебе рожна надо. Мужика? Да вот он мужик – любит и ждёт, а ты его бросила. Потом и того, ради которого бросила. Что с тобой, Света?

– Ну и чего ты хочешь? – спросила подружка моя, подбоченясь, как Кармелита из сериала. – Чтобы я до конца дней своих в твоих любовницах ходила? Да ты сам столько не захочешь – поматросишь и бросишь.

– Что потом будет, то будет потом, а сейчас нам неплохо вдвоём. Может ты ещё и в загробной жизни рассчитываешь на мою привязанность? Представляешь, флирт – два скелета на гробовой крышке! То-то грохоту по кладбищу. Успокойся, Света, после смерти ничего нет. Давай будем жить в этом мире и любить, пока любилка стоит, и беречь наши чувства. Жениться я на тебе не намерен, как, впрочем, и ни на ком другом – врать не буду. И никаких на то причин, кроме одной – у меня другие цели: я как бы в данный момент не принадлежу сам себе, но предлагаю тебе быть моей музой, и разделить со мной то, что дарует судьба.

Она молчала. Она смотрела на меня, склонив голову, словно видела перед собой нечто любопытное.

– Скажи ещё что-нибудь, – попросила. – Не пойму никак тебя.

Что сказать?

– Я не знаю, Света, буду ли я богат и знаменит, но что никогда в жизни не сделаю тебе ничего дурного, за то отвечаю.

Она насмешливо улыбнулась:

– Чего ты заводишься? Я же с тобой.

– Телом да, но не душой.

Я и сам не знал в точности, чего от Светки хочу, и эта неопределённость доставала. От разочарования и печали ездил, как автомат – внимание не на окружающую обстановку, а проблемам внутри себя. Дорога такого не прощает – чуть не досмотрел и....

Когда спохватился, было поздно и стало страшно. В животе ёкнуло, будто автомобиль понёсся с ледяной горки. Навстречу ему проворно двинулась стена дома, и в следующий миг меня кинуло грудью на рулевое колесо. Раздался лязг, звон разбитого стекла, и скольжение по обледенелому асфальту закончилось. Прямо передо мной белели кирпичи фасада. В ушах звенело, болела грудь, но кости вроде были целы. Одно хорошо – в салоне не было пассажиров.

Подшли любопытные:

– Да-а, гололёд. Нынче надо быть осторожнее.

– А лучше вообще за руль не садиться.

Разбиты фонари и облицовочная решётка – пустяки, на день ремонта. Э-хе-хе! А всё Светка виновата – о ней задумался. Она теперь передо мной до самой смерти будет виноватой.

У этого инцидента были важные последствия, а от важных последствий проистекли эпохальные результаты. Последствия произвела Светка, результаты – я. Выяснив, где, как и почём сделал ремонт своему «мустангу», назвала меня дураком, даром, что инженер. Она считала, что пустяковую замену повреждённых деталей, я мог и сам сделать, не переплачивая втридорога хапугам на СТО. Светка, не заморачиваясь на фильтрацию выражений, поучала меня, малоохольного, уму-разуму. Я её выслушал уважительно, головой покачал.

– Удивительная ты женщина, – торжественно сказал. – Сколько в тебе талантов! Ты прирождённый организатор. Тебе надо своё ЧП заводить – ну, скажем, такси или авторемонтную мастерскую. Ещё поражают экономические способности – ты настоящий финансист. Если согласишься стать моим казначеем, я с удовольствием доверю тебе распоряжаться своими трастами. Не торопись с ответом, подумай.

На мой взгляд, это был хитрый ход – Светка как бы получала права жены, и в то же время за мной оставались все свободы холостяка. И ведь повелась, голубка – согласилась. Своих проблем невпроворот, она ещё и мои на себя взвалила. Ну, а как же? За квартирой нужен догляд? Нужен. Светка тряпку из раковины выкинула – губку приобрела. Средство для чистки ванны, зимнюю свежесть для белья или, как его, отбеливатель, притащила. В магазин бежит за продуктами – мне покупает. Время есть – что-нибудь приготовит, нет, готовое из дома прихватит. Я от её присутствия в квартире чуть было не обленился. Свои обязательные субботние гену-борки Светке доверил. И стирки. Остались за мной только утренние пробежки и роль мужчины в постельных сценах.

Обиды прежние со временем подзабылись, и жизнь засияла, будто солнце из-за туч выглянуло. Ну а Светка, как жена счастливая, пришла в полное смирение. Может, поверила в мою мечту? Ведь что такое счастье? Это не жратва от пуза, не самые стильные прикиды со шкатулками драгоценных побрякушек и даже не собственный авто с мотором силищей пятьсот лошадей. Счастье – это мечта о жизни, в которой, что пожелаешь, то и будет. Не всякому Ротшильду такое дано. Я уже давно лечу мечтами все болячки сучьей жизни в поганом мире, где одним всё, а другим что-то коричневое на палочке, но не эскимо. И хотя знаю, что все мироздание затеяно ради каждого из нас, смерти в нем не избежит никто – ни богатый, ни бедный. Какой она выйдет – загадка для всех. Поэтому неустанно молю – Господи, спаси от кончины медленной, мучительной, унижительной. Вот и все секреты моего личного счастья.

Ну, а бабам для счастья ещё мужчину подавай. Жалко их, бедных – как им на свете погано живётся, когда все мужики – сволочи и паскудники. Только Светке со мной повезло....

А вот и снег – зима продолжалась. С серого, неубедительного неба закружился колючий пух, на асфальте позёмка – шины скользили по нему, словно по черному льду. Притормозил у остановки, жестом пригласил зябнувших и скукожившихся в салон. Не хотите? Ну, стойте – подождём сговорчивых: мне в автомобиле комфортнее, и я люблю, когда падает снег.

Подъехал ещё один бомбила, перебрался в мою машину:

– Что, не садятся? А ты приглашал? Активней надо, а то не дай Бог....

– На руках заносить?

А вот и гоблин – лёгок черт на поминока – подрезал меня, выскочил и зашёлся таким бешеным матом, что из толпы на остановке донеслось уважительно:

– Смотри, как толково излагает.

Слушать, как заливается истинный профессионал площадной брани, для иных наслаждение, а мне-то как раз наоборот. Вид его, скажем мягко, был неприятен – глаза налились кровью, кадык дрожал, негвардейская грудь тяжело вздымалась, голова болталась на тонкой шее. Красная, поросшая пегой щетиной рожа дёргалась злобным тиком. Только что говорили у ДК быть взаимно вежливыми, а ему неймётся. Все они, гоблины, такие – с кукареку в голове. Ну, а как же – деньги, заработок его чуть было не увёзли из-под носа! Когда спокоен – нормальный мужик, даже есть о чем поговорить, а как материальный интерес коснётся, так вылитый черт с рогами. Что ж, гоблин он и есть гоблин.

Мною тоже овладело возбуждение, охватывающее всякое существо мужского пола при виде обидчика, даже если он человек мирный. Дыхание участилось, кровь побежала вдвое быстрее, сами собой сжались кулаки....

Зрители на остановке с интересом наблюдали за нашей стычкой. Понятно, что с развлечениями на улице в буран совсем паршиво, а тут назревало бесплатное зрелище – бой двух

бомбил без правил и рефери. Кто-то начал меня подбадривать – мол, врежь ему, суке, чего сидишь. Но, Боже мой, драться с гоблином на глазах у толпы, как китайский рикша в каком-то Шанхае – этого мне только не доставало на шестом десятке лет.

В такой ситуации у человека, обладающего достоинством, одно только остается – присутствие духа, и я оставил наезд без ответа, ибо истинное достоинство не в том, как с тобой поступают другие, а в том, как поступаешь с ними ты. А подобные грубияны хороши лишь тем, что с ними самими можно тоже не церемониться или попросту – не обращать внимания. Постоял немного и покатил – чего орать-то: бери, если сядут.

Получив от ворот апперкот, поехал пустым к следующей остановке, думая о том, что жизнь жестока, бессмысленна и, в сущности, бесконечно унижительна. Все ее красоты, наслаждения и соблазны существуют лишь для того, чтобы человек разнежился, улегся на спину и принялся доверчиво болтать всеми четырьмя конечностями, подставив незащитное брюхо. Тут-то она своего не упустит – так лягнет, что с визгом понесешься, поджав хвост. Что бы там ни говорили дикторы телевидения – со времен Сотворения мир не перестал быть опасным, напротив, год от года, век от века он становится все беспощаднее и хищнее. Какой из этого вывод? А вот какой – не разнеживаться, всегда быть настороже и во всеоружии. Увидишь, как тебя манит перст судьбы, – откуси его к чертовой матери, а если удастся, то хорошо бы вместе с рукой.

Злость сосредоточила на работе, прогнав остальные мысли прочь. Но у судьбы, как известно, свои резоны, и сетовать на неё дело зряшное. На Денисово подцепил пассажира до Веселой Горки – это двести пятьдесят рублей в один конец – и успокоился или, как пишут в старинных романах, совершенно умирился нравом. Матюки обидны, а кто сколько выезжает за день рабочий только Господь Бог знает. Давно уже к Его прихотям принял за правило относиться с доверием и не пытался их втиснуть в колодки обыкновенной человеческой логики. Раз иногда случаются чудеса, спасибо тебе Всевышний, а смотреть дарёному коню в зубы – моветон.

Только вот с днем сегодняшним что-то творится – ни на что не похож. Вопреки законам природы, он двигался к вечеру не равномерно, а какими-то раздерганными скачками. Стрелки часов то застывали на месте, то вдруг разом перепрыгивали через несколько делений. До толковища с гоблинами всё вроде бы шло как обычно, а потом начались скачки времени и настроения – одно вытеснялось другим, мысль несколько раз меняла направление на совершенно противоположное, а до заветного часа ещё рулить да рулить.

Пока поджидаю в Кичигино пассажиров, Светке что ли позвонить? Я подумал о ней, о предстоящей встрече в выходные и стал рисовать в уме картины, от которых становилось тепло, ещё теплее...., потом увлёкся, и в жар бросило – хоть всё бросай и к ней кати.

– Привет, любимая.

– Привет. Хорошо, что позвонил – я сама хотела и мобильник уже взяла в руки, а тут как раз ты....

– Ну, так я сейчас прикачу?

– Нет и никогда больше.

– Что так? Опять замуж выходишь?

– Представь себе – да.

– Глупая шутка. Не надоело?

– Я не шучу.

После этой сентенции возникла пауза. Мне было трудно понять, истины ли её слова, но если нет.... Как она меня достала! Надо раз и навсегда пресечь эту нескончаемую борьбу за мою свободу твёрдой рукой – переждать, пока вытечет кровь и перестанут саднить обрезанные нервы. Со временем рана обязательно затянется, а урок будет усвоен на всю оставшуюся

жизнь. К чему устраивать мелодраматические сцены с обвинениями и воздеванием рук? Хватит изображать шута, и без того вспомнить стыдно.... Замуж собралась? Вали к черту!

– Чего ты молчишь?

Я соврал:

– Деньги сдаю пассажиру.

– Кстати, у меня ещё остались твои. Как их передать?

– Купи себе свадебное платье....

– Пожалуй, не хватит.

– Скажи сколько надо – добавлю....

Что-то случилось с легкими – воздух не наполнял грудь. Мелкие, судорожные вдохи были мучительны. Голос мой задрожал, на глаза навернулись слёзы, и я отключил связь.

Навалилось ощущение нереальности происходящего, какого-то тягостного кошмара. Все было слишком, до неправдоподобия ужасно. Наяву так не бывает. Светка опять от меня уходит.... Что за чертовщина! Бред! Бред! Бред!

После жалости к себе нахлынул гнев – самого разъедающего сорта, то есть не горячий, а ледяной, от которого руки не дрожат, а намертво сцепляются в кулаки, пульс делается медленным и звонким, а лицо покрывается мертвящей бледностью.

Как я, человек умный и хладнокровный, два раза вышеобразованный, с богатым жизненным опытом позволил обращаться с собой подобным образом? И главное, кому? Какой-то бабе, весь смысл жизни которой затащить в своё гнездышко выдрессированного самца. Нюни распустил перед ней, пел дифирамбы, как персонаж из старой и пошлой буффонады...!

Весь этот вихрь умозаключений пронёсся в голове в какую-нибудь минуту, а в следующую – закрипел зубами, вспомнив восхитительную Светкину наготу, её улыбку зовущую.... Сердце забилося часто, с каждой секундой разгоняясь все быстрее и быстрее.

Забыть её, к чертовой матери, забыть! Пусть увидит, каков я на самом деле – не жалкий одурманенный её прелестями слюнтяй, а твёрдый и спокойный мужик, которому наплевать на её сатанинское желание заполучить себе супруга в чертоги, на все её хитроумные капканы наплевать. Врёт про замужество – никого у неё нет. Это она меня подстегнуть хочет, чтобы ослепленный ревностью и любовью кинулся к ней с предложением руки и сердца. Не дожидется!

Вроде успокоился. Перебрал все доводы pro и contra, прислушался к голосу сердца. Сердце сказала: нет. Разум предположил: возможно. Возможно у Светки кто-то есть – с кем-то она встречалась за моей спиной: женщины на такое весьма способны. Хотя религия твердит, что разум от Лукавого, от Бога – сердце, которое верило в любовь. Тогда.... Жаль, что я не француз – те никогда не ставят на одну лошадь.

Вдруг вспыхнул снова, увидев свои красные глаза в зеркале над лобовым стеклом и такое бледное лицо, словно кто-то мазнул по лбу и щекам кистью, обмакнутой в свинцовые белила. И по этим белилам текли слезы, которые мужчине не к лицу.

Боже! Это никогда не кончится, пока мы со Светкой – она всё время будет вить и ставить на меня силки. Ух, как она, должно быть, сейчас жалеет, что климакс уже прошёл, а так бы не побоялась на втором полустолетии и малыша мне сварганить, лишь бы желание свое осуществить.

Гнев внезапно схлынул, судорожно стиснутые пальцы разжались. На душе сделалось пустынно и грустно. «Ну вот и все, – сказал сам себе. – Лучше так, чем сделаться совершенным ничтожеством. Прощай, сон золотой – я был тобою отравлен: мозг и сердце поражены были ядом, и это единственное объяснение всем моим мукам». Подумал так и отчего-то сразу успокоился, будто теперь все встало на свои места.

Откинулся устало на спинку сидения.

Что за болезнь такая – любовь? Кто и зачем ею мучает человека? То есть, очень возможно, что другим людям она необходима и даже благотворна, да и сам бы не отказался любить

до определённого рубежа, только женитьба мне явно противопоказана. Ничего, кроме горя, разочарования и унижения, мне не принесли два моих прежних брака. Такая уж видно судьба. Впрочем, нет – дети остались, но это совсем другая история.

Не надо мне больше со Светкой встречаться. Что у нас общего, кроме секса? У нее даже сын от другого мужчины. Мало ли таких светок на свете? Точно, клин вышибается клином – ищем другую. На Земле ещё не мало найдется хороших женщин.

Время сразу же прекратило свои дурацкие фокусы, минуты побежали размеренно и спокойно. Уже из одного этого следовало, что решение принято верное. Настоящий (стоящий?) мужчина никогда не предаётся отчаянию ни в какой ситуации, а работа – лучшее лекарства от душевных недугов.

Остаток рабочего дня приглядывался к пассажиркам, подыскивая затычку в каверну сердца. Задача не из легких, когда человеку хорошо за полтинник – то эта не та, то та не годится.... Эта, например, с лицом плоским, как лепешка, голосом противно-писклявым, как у кошки, и ногами разными – одна левая, а другая правая – сидит, улыбается, провоцируя: а ну-ка, закадри меня, бомбила. Вспомнив, как грациозно порхала Светка по моей квартире в одной футболке, вздохнул – надо чтобы красивой была, как она, и.... деньги брала. Вот такая барышня не будет пытаться меня на себе женить. Надо ей сразу объяснить, что мне не нужны проблемы в сердце, я ищу утеху для тела.

Эти размышления способствовали волевой концентрации. Почувствовал, что стою на правильном пути. Исчезла апатия, сердце билось сильно и ровно. «Инстинкт охоты на самку не менее древний и могучий, чем инстинкт любви», подумал и обрадовался, что ко мне возвращается привычка рационализировать собственные чувства. Ощущение было таким восхитительным, что закружилась голова. Даже кольнул себя в самое сердце, подумав – у Светки бы проконсультироваться, какая барышня мне нужна.

Ну, ещё один круг и, если не повезёт, будем сворачиваться. Ничего, месть придется отложить (я про клин, который должен вышибить из сердца любимую), но это блюдо не протухнет за ночь. Главное – успокоился, даже стыдиться стал нахлынувших было чувств. В мире столько вещей более важных, чем уязвленное самолюбие, ревность или несчастная любовь. Например, стремление к правде и справедливости. Нравственная чистота. Самопожертвование во имя справедливости. И в конце концов, что наши мелкие самолюбия и амбиции перед лицом Истории? Россию жалко. Хотя как-то сумела без меня пережить монголо-татарское иго, царизм, большевизм.... Переживем и капиталистов-воров-скоробогатеев. Мы, люди русские, с характером и не противны Богу – так что, доверимся судьбе.

От этих мыслей настроение стало божественным, и будто нимб засветился над челом. Мне казалось, что все представительницы мягкосердечного пола смотрят на меня с искренним интересом и чуть ли не провожают взглядом. Я даже замурлыкал под нос песенку, чего обычно не позволял себе за рулём. Мотивчик был замечательный, и слова соответствовали настроению:

– Полюшко мое – родники,
Дальних деревень огоньки,
Золотая рожь, да кудрявый лен...
Я влюблен в тебя, Россия, влюблен....

Снегопад с метелью закончились – за обочиной, по чистому белому покрывалу скользили длинные тени облаков. Пейзаж за окном автомобиля был фантастически хорош. Небо чуть не поминутно меняло цвет, будто экспериментировало с окраской. Ну ладно ещё бирюзовое. Но топазовая! Но изумрудная! Вот такие акварельные причуды от горизонта, куда стремится светило, к зениту.

– Здравствуйте, девушка! Что вы делаете сегодня вечером?

2

С фамилией Булкина Вера запросто могла претендовать на место в пантеоне гоголевских героев, но росточком и манерами больше смахивала на Гурвинека – кукольного персонажа. Гурвинека-альбиноса: его рыжие вихры, торчащие в разные стороны, на её голове гидроцефала были жидки и к тому же неаккуратно окрашены. Выразительные глазки в густой сетке морщин смотрели на мир с кукольным задором и гуманоидным скептицизмом сквозь огромные в пол лица очки с подкопченными линзами. Хороши были пухленькие губки маленького рта. Да и тельце её, плотно сбитое и тугое, напоминало новенький футбольный мяч.

Данный тип личности мне был знаком. Окружающие не склонны принимать их всерьез – так уж выглядят и держатся эти люди. И чаще всего окружающие на их счет ошибаются. Человечек маленького роста, вне зависимости от пола, обыкновенно силен характером и очень неглуп. Такой была и Вера Булкина.

Я её знал, как всякий коренной увельчанин хоть немного, но знает любую старую увельчанку. И ещё – ей абсолютно было делать нечего этим вечером. То и решило....

В шашлычке похвастался, что всерьез увлекаюсь литературой – и начал сие творчество, когда достиг некоей степени мудрости. В частности сказал:

– Природа не терпит вакуума – уходят силы, приходит мудрость. Силою можно построить дом, защитить его.... А мудростью надо делиться – вот я и взялся за перо. Произошло это не поздно, не рано, а в самый раз – в возрасте, когда уже пора делать выводы и не стоит менять планы. Самый существенный вывод, извлеченный мною из прожитых лет, звучит так: стареть – это хорошо. Стареть – это значит созреть, то есть становиться не хуже, а лучше – сильнее (конечно, духом), мудрее, завершеннее. Если же человек, старясь, ощущает не приобретение, а потерю, значит, его корабль сбил с курса. Жизнь не может быть спуском, только подъемом – до самого последнего мига. Продолжая морскую метафору, могу сказать, что рифы полустолетия, где мужчины часто терпят крушение, я миновал на всех парусах, с поднятым гюйсом.

Тут подмигнул своей собеседнице, намекая на то, что ей и в постели со мной скучно не будет – мягкой перины нам!

Вера расправлялась с шашлычком обеими ручками и болтала недостающими до пола ножками – пережевывая мясо, уверяла:

– Я тоже сочиняю иногда – дело нехитрое.

Я не поверил:

– Покажешь?

– Да без проблем. Но лучше у меня рисунки получаются.

– Да ты еще и художница?

– Самоучка.

Совсем интересно. И почему-то жалость проснулась к барышне, похожей на суетливого воробушка, клюющую мясо со свиных ребрышек. Вряд ли сможет законопатить брешь в кровоточащем сердце, но любопытна.

– А как у тебя с личной жизнью?

Она передернула плечиками:

– Да никак. Разве не видно, что я не из тех, кого любят, а из тех, кому в виде особой милости позволяют любить. И то не всегда.

– Bravo! Столько сарказма.

– Без него не прожить.

Ну, совсем жалко – некрасивую, маленькую, пародийно-кукольную даже в минуту искренности. Она была, конечно, немного смешна с этой своей саркастической высокопарностью, но в то же время и трогательна. Существует порода женских особей, которые спокойно

и без всякой конфузливости говорят про себя: «Я знаю, что я некрасива». Они даже видят в этом некую доблесть, особый род честности. Правда, за безжалостным признанием непременно следует продолжение: «А все вокруг – вообще сволочи, только прячутся за красивыми фразами». Вера окружающих не поминала.

С полчаса мы, насыщаясь, сидели молча – каждый думал о своем. Я о ней: совсем неглупа – в её обществе ничуть не тягостно было молчать, а разговаривать с ней следовало без обиняков и экивоков. Так и поступил.

– У тебя дети есть? Ага, значит кого-то ты все-таки подцепила из мужского племени. Да не поверю никогда, что найдутся женщины, не умеющие завлечь мужика – на это вы все от Природы мастерицы. Ну-ка попробуй изобразить любовную страсть.

– Страсть к кому? – невозмутимо спросила Вера, поглядела вокруг и впиалась в меня внезапно загоревшимся взглядом. Ноздри её небольшого носика плотноядно раздулись, на сократовском лбу проступила жилка, полные губки затрепетали слегка, будто не в силах сдержаться – ни дать, ни взять, высшей квалификации мастерство страсти. Поверил бы и Станиславский.

– Удалось. А ты сама кого-нибудь любила?

– Ах да, любовь – совсем про нее забыла. По правде сказать, я не знаю, что имеют в виду, когда говорят про это чувство. Вероятно, каждый вкладывает в понятие свой смысл. Лично мне просто хочется иногда спрятать лицо на чьей-то груди и поплакаться, повыть – вцепиться в мужские плечи крепко-накрепко, изо всех сил, и будь что будет.

– Может, меня Бог послал, чтобы ты наконец вцепилась и поплакала?

– Думаю, у тебя ничего не выйдет, – заметила она скептически.

Как же все вышло?

Мы затеяли бесконечную дискуссию о том, что такое Добро, и почему Зло сильнее его. Ссылаясь на классиков, утверждал:

– Потому, что Зло не ограничивает себя в приемах – ставит подножку, бьет из-за угла или ниже пояса, нападает с преимуществом в числе. Но это не значит, что если Зло побеждает, то оно всегда в выигрыше. Достаточно проигравшей стороне взглянуть на причину схватки либо её результат своими глазами, т. е. Добра, то оказывается, что и драться не стоило. Драки, скандалы, ссоры всегда выгодны только Злу – они его питают. Добру надо творить добро и не обращать внимания на Зло, тогда оно само собой зачахнет.

– Ну уж дудки! – сказала Вера: ни с чем подобным она категорически не соглашалась. – Нет на свете ни Зла и ни Добра – есть люди и их интересы. Если кто-то поступает так, что не нравится тебе, то он твой смертный враг и олицетворение Зла, и наоборот – если льет воду на колесо твоей мельницы, то он самый, в твоих глазах, добропорядочный человек.

Ну что сказать – суждение не лишено смысла и логики.

– Ты в Бога веришь?

– Еще чего!

– А как же карма, рок, судьба? Разве мы не марионетки в их руках?

– Чушь! – она встряхнулась агрессивно. – Судьба наша в наших собственных руках.

– Напрасно ты это, – не выдержав её сверкающего взгляда, поднял глаза я к потолку, или, если употребить более торжественное выражение, возвел очи к небу. – С Судьбой так не шутят...

– А-а, – Вера отмахнулась: отстань, мол, муха.

За разговорами, прикончив шашлык, приехали ко мне, разделись и легли в постель – одно другому не мешало.

Мир любви волшебен. В нем становишься совсем иными существом, делаешь невообразимые вещи и нисколько их не стесняешься. Время меняет темп, разум милосердно отключа-

ется – ты мнишь себя архангелом парящим на облаке. А когда полет благополучно закончился, облако говорит:

– Отвези меня домой.

Соблазнял ли я её в музы-вдохновительницы? Конечно. Но она мне мигом отбила желание:

– Тебя печатают? Где? Ну, как книгу издашь, поговорим.

Мне расхотелось посвящать её в свою творческую кухню – доставало обычной, где она варила пельмени из пакета. Веру же интересовало вот что:

– Почему же ты холост?

– Не могу найти достойную женщину.

– Надо же, каково самомнение! – в голос её прокралась язвительность – И что, усердно искал?

– Старался усердно, – подтвердил.

– Многих, значит, перепробовал? – тут она призадумалась, загрустила, и тема закончилась.

Когда мы занимались любовью, призрак Светки метался по комнате – то в окне второго этажа мелькнет чья-то тень, то сама собой колыхнется штора. Убитая любовь кошачьими когтями царапала мое сердце. Болен, все еще болен ею... Нужно было немного подождать, взять себя в руки, а уж потом новую барышню сюда привозить.

Что ещё рассказать о событиях того дня?

Голова, отупевшая от бесконечных терзаний, отказывалась выполнять привычную аналитическую работу. Никогда еще не находился в столь паршивой интеллектуальной форме. Кто такая Булкина Вера? С чем едят её, чем запивают? Чего от нее можно ожидать? На все вопросы ноль ответов. И нет желания искать.

Я покосился – лежит рядом, безвольно раскинувшись, похожая на уработавшегося пингвиненка.

– Ты где, кем работаешь? – спросил.

Она досадливо отмахнулась:

– В АСКО, главным бухгалтером.

– Ну и как там?

– Да ну их! Не коллектив – ядовитые пауки в одной банке.

– Не нашла общего языка?

Она скорчила гримасу, означавшую – Господи, какие все вокруг идиоты.

Но я не отстал:

– Ты в школе в драмкружок ходила?

Сейчас секрет. Зачем спросил? Зубы заговариваю. Потому что... Ну, конечно – она свою выводила линию:

– И все-таки, почему ты живешь один? Вроде мужик как мужик – все на месте.

– Все окольцованные мужики находятся под каблуком жены – я же этого не хочу. А ты что, собралась меня женить? На ком, если не секрет?

Я хамил, получив свое, и, понятно, что ответа не услышал. Переиначил вопрос:

– А для чего жениться?

– Быть счастливым.

Уж не с ней ли? Ужасно удивленный, не сразу нашелся, что сказать. Никогда не думал, что на взгляд постороннего выгляжу настолько несчастным, что даже брак с пародией на Гурвиенка будет счастьем. Разве счастье – не отсутствие несчастья? Разве наслаждение – не отсутствие страдания? Да поймет ли она?

Попробую растолковать, исполнив любимую арию.

– Запомни: семейного счастья нет и быть не может, но есть покой и душевный комфорт. Только когда женщина сумеет вписаться в сей интерьер, как незаменимая вещь, то она имеет шанс на успех, стать женой, если захочет. И то не всегда – лишь та, которая умеет радоваться жизни, способна составить счастье мужчины.

Вера, подумав, не согласилась.

– Это ошибочное рассуждение, человека, который боится быть счастливым.

Снисходительность ее тона взбесила.

– Ты так считаешь? Тогда... Если и дальше хочешь встречаться, вот мои условия. К черту шашлычки с гнилой собачатиной! Встретились, сразу сюда – мне секос, тебе пятахатка. Устраивает?

– Да.

Подобная прямота с обеих сторон вызвала определенное уважение.

Это я для Истории так подумал, ибо ощущал себя в данный момент неким Наполеоном – владыкой душ и судеб. Владыкой слабым и лукавым, плешивым щеголем, врагом труда. Кто это? Ах, да, Пушкин! О ком? Конечно, не обо мне – у меня с шевелюрой все в порядке. А в остальном....

Слова сказаны, сделка состоялась: я впервые нанял себе куртизанку – не с панели путану, не из борделя девочку, а из акционерно-страховой кампании главного бухгалтера. И что-то здесь было не так – задумался. Хотел независимых отношений – чего испугался? Наверняка буду презирать эту даму и уже презираю. Но не того ли хотел и от Светки, обожаемой и любимой. А чего я хотел? Чтобы все слова, жесты, и подарки шли от сердца, а не от в штанах лукавого, жаждущего одного – дамы в постели. Вот если бы Светка брала у меня деньги, я б не заморачивался – хорошо ей со мной, плохо ли? И... наверное, не полюбил. Зато и не мучился... Черт, запутался! Выходит, плата за секос – антибиотик от любви? Сенсационно! Стоит о patente на открытие подумать. А сформулировать его надо так.

Мужики! Чтобы не испытывать прихоти Судьбы, не рисковать Душой под ударами беспощадной Любви, сразу начинайте платить даме деньги. Ни цветы и ни подарки, ни внимание – Боже упаси! Под любым предлогом только наличку. Тогда получите все, что хотите, и от вас не потребуют взамен того, чего не хотите вы.

Вот такой рассудительный монолог, произнесенный перед самим собой, спровоцировало короткое и негромкое Верино «да».

Снисходительно погладил её обнаженную грудь.

– Красота – ужасная штука....

Нарочно сказал – к черту сентиментальность: теперь я купец, а вот и товар.

– ... одних заставляет стремиться ввысь, других загоняет в самый ад. Впрочем, я не из их числа.

Последняя фраза вырвалась произвольно – не хотел позерства.

– Я сторонник рационализировать все и вся – в том числе чувства. У мужчины бывают три возраста, и в каждом свое отношение к женщинам. Первый – когда хочется романтической любви. Второй – когда хочется детей и семьи. Третий – когда хочется просто здоровья, и женщина не последний в нем аргумент. Это к тому, чтобы никаких иллюзий, ибо я уже в третьем возрасте.

– А знаешь, чего я тебе скажу..., – голос ее был сух и язвителен. – Впрочем, это народная мудрость – мужчину делает жена. Мужчина подобен единице, женщина нулю. Когда живут каждый сам по себе, ему грош цена, ей же и вовсе никакая, но стоит им вступить в брак, возникает новое число. Сообразишь какое? Только не подумай чего – это я так, в порядке твоего просвещения.

Ну, понятно – кому что, а шелудивому баня.

– Прости, может, о чем другом поговорим?

Впрочем, я скоро понял – ни в какой ЗАГС Булкина не собирается меня тащить: просто нащупала болячку и терзает. Ей, видимо, доставляло удовольствие других (или только меня?) раздражать. Такая маленькая стерва! Тут же снова прицепилась.

– Ты взялся романы писать, а кем себя мнишь – гением или талантом?

Как ответить? Сказал, что думал:

– Весь смысл жизни земной состоит в том, чтобы гения в себе открыть, и неважно на каком поприще. В каждом человеке он зарыт, только не каждому удастся его раскопать – тычутся все, как слепые котята, и всегда почти мимо цели. Если же свершится такое чудо, то человек сразу понимает – вот оно, ради чего он в мир пришел, ради чего стоит жить, и живет дальше самозабвенно и плодотворно. Вот это и есть настоящий гений. А талантлив тот, кто понимает, где и что надо искать – хотя не факт, что найдет.

– Ты нашел? – полувздых-полустон.

Зацепило? Или новую шпильку точит? Ну, конечно – тело продала, умом отыграться хочет, которому она знает цену, и цена эта много выше тела. Такой она мне нравилась гораздо меньше. Можно сказать, совсем не нравилась. Не люблю умных женщин. Точнее, умничающих – умницы-то далеко свой разум прячут, чтобы мужик, который рядом, не дай Бог, не догадался, что его IQ ниже колена его дамы.

– Нет, но узнал, где искать.

– И где же?

– В раздумьях. Недавно понял, что в России одной бедою стало больше.

– Это ты про дураков с дорогами? И какая третья?

– Порядочность мы не ценим. Извели большевики дворянство, и охамела Русь – ни «самая читающая», ни «самая грамотная» не помогают.

Вера не согласилась:

– Когда нечем платить за квартиру, детей выучить не на что или накормить, последнее, о чем думается – так это «как слово наше отзовется».

– «И нам сочувствие дается,

Как нам дается благодать...»?

– Мне твое сочувствие на хлеб прикажешь мазать?

Нашел в ком порядочность искать – барышня только что сдала мне в аренду свое коротконогое туловище за каких-то жалких семнадцать баксов. Впрочем, это было мое предложение – мог бы и не платить. Так кого же хрена...! Нет, женщины должны быть вне политики с моралью – пусть с ними Всевышний разбирается: сам скомбинировал уродство души и красоту тела в одно целое. Впрочем, о той красоте, которая рядом, говорить можно лишь с большим натягом.

Общим следствием этих бесед стало то, что мы потянулись с Верой друг к другу. Присутствовали, конечно, и товароденежные отношения: пятихатка – секос, но и поспорить о вечных истинах тоже хотелось. Булкина от природы лихо соображала и за словом в карман не обращалась, разбивая общепринятые устои нравственности и морали. Притом, в спорах у неё были аргументы, а у меня большей частью сантименты.

– Ты крещеная? – как-то спросил, поев пельменей и перепихнувшись.

– Материнским ремнем.

– Как это? Почему?

– Такая мать. Ты вот романтиком в детстве рос при обоих родителях, а меня моя пьяница так поднимала – чуть что, за ремень, чуть что, за палку.... Да что подвернется! Как собаку.... Целомудрие мое одному козлу за пол банки....

Это уж слишком!

– Кончай заливать, – призвал собеседницу к порядку.

– Видел бы, как я с ним дралась.... Ты не смотри, что я маленькая – я сильная. Всех мальчишек в классе лупила.

– Их-то за что?

– Чтоб не дразнились.

– И как они тебя? Дюймовочка?

– Если бы! Секельдявка.

– Это откуда?

– Маман наградила. Для неё Веры не существовало – все Секельдявка, да Секельдявка шалавая.

– Ну, а от насильника-то отбилась? – спросил с надеждой.

– У меня от него дочь родилась.

– Я думал, побои....

Доля женская – грустно вздохнул. А у Веры Булкиной через такую жизнь несомненно должно сложиться скептическое мироприятие. И это ещё сказано мягко.

– Вот как сталь-то закалялась. А плакать не пробовала вместо того, чтобы сдачи дать?

– Ну, ты научишь!

– Не я, Карл Маркс – бородатый считал, что главная сила женщин в их слабости.

– Ага, сейчас – ты будешь издеваться надо мной, а я буду плакать? Попробуй только – ка-ак дам...! – она сунула мне под нос крутой кулачишко, не из тех, что мозги вышибают, но в задумчивость запросто приведут.

– А я, бестолковый, раньше думал – все женщины плаксы истеричные.

– Только не я, – и Вера доходчиво разъяснила мои заблуждения по части женской психики. – Да и остальные нипочем в обморок не упадут и истерики не устроят, если рядом мужиков нет. Женские обмороки, истерика и плаксивость – это все ваши выдумки. Вам хочется нас слабыми да беспомощными представлять, вот бабы под вас и подстраиваются. Видел когда-нибудь, как они дерутся?

– Видел – жуткое зрелище.

Да, моя скромная (ну, хорошо – пусть нескромная) особа много чего в жизни повидала, и, как говорится, к сему комментарию излишни. А на Секельдявку осерчал – это неслыханно: ишь, моду взяла, кулаками грозить, забыв субординацию. Я как-никак для нее купец, она для меня.... Впрочем, понятно.

Вера, между тем, продолжала:

– Сейчас так много развелось слабых мужиков – по всем приметам ваш пол вырождается. И женщины поневоле не в свои сани впрягаются – семью тянут, мужа-пьяницу. Хочешь-не-хочешь, надо быть сильной. Поэтому женщины не особо-то ныне замуж стремятся, а вот мужики так и норовят к кому-нибудь да присосаться. Лишь ты исключение. Или бравируешь?

– Нет, все верно. Трудно нынче сыскать женственность в женщинах, а жить с боксершей – это мне надо?

Но мы что-то отвлеклись, а мне поподробнее хотелось узнать о ее прежней жизни: посулы-то каковы – мать-пьяница, насильник, ставший отцом ее ребенка, Вера всех лупит.... Прикидывал с какого бы конца вывернуть разговор на продуктивную тему, но собеседница, похоже, имела на то собственные виды.

– Вот ты мне скажи – какое из человеческих преступлений считаешь самым чудовищным?

Подумав и перебрав в уме возможные варианты, твердо ответил:

– Насилие над детьми.

– Да, наверное, это самое ужасное, – Вера согласилась и загрустила – должно быть, рассчитывала услышать нечто другое.

– Они так доверчиво смотрят... У какого гада рука поднимется? В порошок его, на мыло...

Вера, не слушая, продолжала поиски артефактов моей жизни:

– Скажи, чем живешь? Каково твое кредо?

– Ну, это просто: делай, что должно, а там будь, что будет.

– Так ты фаталист?

– Из благородного сословия.

На ее приподнятую бровь пустился в объяснения:

– Я капитан запаса – офицер, по-прежнему считать, так дворянин. При царе Горохе, выйдя в отставку, получил бы в награду крепостных деревеньку да баб молодых водил в баню помаленьку.... Чем не жизнь?

И заскучал по женской слабости и красоте. Сколько мимолетных встреч бывает в жизни – то, что могло бы сбыться, да никогда не сбудется, заденет шуршащим крылом по щеке, обдаст дурманом грез и дальше летит себе. А тут лежишь с Секельдявкой (надо же – прицепилось!), вздыхаешь о несбыточном и довольствуешься тем, что Бог послал. Печально, господин капитан.

Вера пыталась:

– Много времени отнимает литература?

– Да, прилично. Я ведь катаюсь до обеда, потом отдохну и за компьютер. Так что часиков шесть каждый день....

– А в деньгах? Если работал бы, как чебурек – до последнего пассажира....

– Ну, скажем, штуку в день.

– Тридцать тысяч в месяц! – ахнула Вера. – Но это....

– Ты хочешь сказать, безумие или расточительность? Скорее блажь. Другие тратятся на семью, алкоголь или предметы роскоши, а у меня, одинокого пуританина, одно пристрастие – то, о чем говорили. И это не филантропия, поскольку пишу не для общества, а для собственного удовольствия. Впрочем, лукавлю – конечно хочется, чтобы меня, любимого, не забыли земляне. А как это сделать? Ну, конечно же, книгами. И еще экспериментирую – хочу жизнь прожить честно, без подлостей. Удастся ли – время покажет, а помогает творчество: через сито совести и морали просеваю фактики прошлой жизни – то было хорошо, это не очень, а вот это вообще стыдно вспомнить – повод исправиться и не повторять грехов.

– Однако не кажется ли тебе, что эту упущенную трицатку (за год – больше трети миллиона) можно было потратить с большей пользой – например куда-нибудь съездить? – спросила Вера.

– Да, конечно, можно. Но мне нравится играть в писателя, и я играю с полной душевной безмятежностью. Кому от этого холодно или жарко? Ты разве б пожалела части своего дохода в обмен на крепкий сон, здоровый аппетит и гармонию с собственной душой?

Вера лишь развела руками, затруднившись ответить на вопрос, но в глазах читалось – не втолковать идиоту (это мне) про сына со снохой, живущими под одной со свекрухой (это она) крышей, да и вообще...

– На самого себя я трачу ерунду, – продолжил, упиваясь. – Утром пакетик китайской лапши, обед в столовой рублей на сто, на ужин примерно столько же. Квартплата, аренда гаража, уход за машиной – вот собственно и все. Ну, выходной – ты сама знаешь. Вообще, не вижу причин напрягаться. А литература давно уже переросла из простого увлечения в смысл жизни. Вот как-то так.

По лицу собеседницы видел, что не совсем убедил её в своей умственной полноценности. Да Бог с ней! Я сам спросил:

– А ты, Вера, куришь?

Хотел уличить в злонамеренной и напрасной трате денег.

– Нет, не курю. Тебе не нравятся мои духи? Сменяю.

Причем здесь духи? Мне не нравился запах ее дыхания – будто от непромытой пепельницы.

Как-то Вера решилась на весьма рискованный изыск.

– Писателей считают архитекторами человеческих душ – обо мне ты что можешь сказать?

– Как всегда правду и ничего кроме.

– Ой, как интересно!

Хм – сказал сам себе. – А ведь правда вся в том, что Булкина, не смотря на нашу близость, не складывалась в моем представлении в положительную героиню. Деньги за секс берет – это раз. В постели не позволяла мне никакого разнообразия – единственная поза «бревна» – это два. Ну, а третье – её рейтузы. ... Она щеголяла в них, недораздевшись, будто это был последний писк моды эротического белья. Светку бы сюда – вот было б хохоту. Унизительного для меня – с Булкиной-то, знаю, как с гуся вода. Сказать это вслух? Хм! Достаточно глупо и даже рискованно – ну как, зафигачет кулачком в глаз.

Тут мои мысли сами повернули к Светке. Лишь с ней, любимой, жизнь моя имела полноту, счастье и смысл. Как она была мила, как хороша, как эротично порхать умела по квартире в одной футболке. Вспомнились непослушные завитки ее огненных волос, которые, утомившись в любви, любил, накручивая на палец, разворачивать в обратную сторону. Не добившись, ворчал – ты такая же вредная, как твои волосы. А Светка хохотала, и было мне с ней хорошо.

Мысленная инвентаризация Светкиных прелестей присутствовала всякий раз, когда мы с Булкиной ложились трахаться – помогала потенции. Но стал замечать – все хуже и хуже: то ли образ стирался временем, то ли скудные очарования теперешней подружки сошли на нет и превратились в антилибидо. И обеспокоенный рассудок начал предупреждать – а тебе это надо? Даже не рассудок, а, пожалуй, инстинкт самосохранения. Но тормозила привычка доверять судьбе. Раз она здесь, думал о Секельдявке, значит, кому-то это надо, и не хрен о другой мечтать – несбывшееся на то так и зовется, чтобы не сбыться. ...

Однако следовало говорить – дама ждет.

– У тебя умные глаза, красивые губы. ...

– И все?

– Ягодицы и груди, как у школьницы, упруги.

Вера вздохнула:

– Я тебе о душе, а тебе все сиськи с писью. ...

Подумал, вот он момент, когда можно закончить затянувшееся приключение, ставшее в тягость с некоторых пор.

– Знаешь, что понял я на счет души – мы не два сапога пары: для реализации мужского начала мне слабая женщина нужна, ты же сильна – тебе хочется помять хлюпиком. Верно?

О мужчинах и женщинах, их роли и сути в устройстве семьи, общества и государства мы спорили часто и всегда в одном не сходились – силе и слабости полов. Вера доказывала, что «слабым полом» женщин нарекли зря – неправда это, разве что в смысле крепости мышц, да и то не у всех и не всегда. Предлагала мне сбежать или сплавить с ней наперегонки.

– Может, армрестлингом удовлетворимся?

А Вера за свое:

– В наш динамичный век слабый пол стал сильнее сильного – и умственно, и физически. Мы даже превосходим вас в том, что идем к цели не заморачиваясь на условности. Вас же глючит ваш петушизм – всегда и во всем хотите покарсаваться.

– Ты это к чему? Хочешь убедить, что мужчины слабы и тупы, ни на что не способны, кроме как дам ублажать да детей зачинать? Трутней из нас сотворить хочешь?

– Да вы трутни и есть. Даже семью завести боитесь.

Обрадовался:

– Замуж что ли собралась?

– Я не про себя. Я про женскую силу и мужскую дохлость...

Я слушал да посмеивался в усы, и это распаяло Булкину ещё больше и больше.

– Хуже всего эта твоя снисходительная усмешечка! – наконец взорвалась она. – Это в тебе от мужского высокомерия. Я тут распинаясь перед тобой, а ты слушаешь и все равно считаешь: курица не птица, а женщина не человек. Ведь так?

– Нет, я так не считаю. Женщина – это божество, по-моему. Только к чему божеству руками махать и слюной кропить простыню? Повергни ниц мужика взглядом, улыбкою, обнаженным коленом – и властвуй над ним сколь душе угодно.

– Даже не думай! – построжала Вера. – Буду я перед кем-то хвостом вертеть.

– А как собираешься мужиков завлекать? Бутылкой что ли?

– Тебя ж без бутылки окрутила.

Ленин? Тут и сел старик!

Если тут козни Дьявола, то Бог сильнее всё равно. Задался целью избавиться от Булкиной любой ценой, пока совсем не оскудел потенцией. Только как это сделать, не нарушая однажды данного себе обета – во всем доверяться судьбе? И так думал и этак – ничего не выходило. Вера один раз в неделю звонила – свободна, мол. И я, как ослик безропотный, тянувший безрадостный груз, выцеплял её где-нибудь в городе, вез к себе, ел пельмени, слушал треп, а потом сдавал приятеля своего её жестким ладоням – сам он уже не торчал, как прежде, гюйсом и даже до клотика не добирался: так себе, болтался на половине мачты – ни рыбой, ни мясом.

Даже Секельдявка, заметив, сказала ехидно:

– Поизносились, Анатолий Егорыч – вот вам результат беспорядочных связей.

Огрызнулся:

– Это от твоей кожи шершавой. У тебя дома наждак вместо рушника?

Булкина в очередной раз повергла меня в изумление:

– Ладонки огрубели от сапожных инструментов.

– А говорила, что бухгалтер.

– Днем сижу в офисе, на вечер заказы беру в мастерской.

– Оно тебе надо?

– Не надо бы, да денег не хватает.

– Не спрашиваю на что, но, хочу сказать – знаешь, в чем наша, русских, беда? В том, что мы за все беремся и всю делаем через.... Ну, вообще, понятно. А надо бы выбрать занятие по душе и довести профессионализм до гениального совершенства. Не пробовала? Зря.

Впрочем, за что только Вера не бралась – ко всему у неё способности с талантами.

Чихнула двигателем машина моя – она:

– Продуй жиклеры у карбюратора.

– Вообще-то у меня инжектор.

– Какая разница!

Услышав, что Вера еще и программист, попросил глянуть на мой компьютер – что-то при открытии текстовых документов, он рисует на них «плюсики» в строчку. Она согласилась, но когда заметила:

– Компьютер твой долго греется.

Мне расхотелось ее помощи:

– Вообще-то компьютер грузится.

Булкина вне сомнений экземпляр интересный для литератора, но как же мое либидо? Преодолев полустолетний рубеж с ясной головой и бодрым гюйсом, мнил себя баловнем судьбы. И на тебе – такая оказия! Еще месяц, больше – полтора, и со мной, как мужчиной, будет покончено навсегда – останется лишь половое бессилие, и, наверное, обида и злоба на весь мир. А ведь когда-то мнил себя способным на любую глубину чувств. Теперь же дурнушка и беспри-

данница, как говорила о себе сама Булкина, убивает во мне влечение к дамам за мои же деньги. Вот это влип! Главное, по всем направлениям – неказистая внешность, язвительный ум, душа, погрязшая в мизантропии – она была с большим знаком минус. И не скрывала этого, будто знала – никуда я не денусь: и слушать буду, и слушаться, и под венец пойду, если прикажет.

Раньше считал, что человек всегда может меняться к лучшему – в любом возрасте, после любой ошибки, любого нравственного падения. Еще верил: всякому страждущему можно помочь, всякого непонятного можно понять, потому что в нашу психику заложен механизм самосовершенствования. То ли Булкина была исключение, то ли я стал хреновым учителем: в этом направлении ноль результатов, а счет жизни моей потенции шел уже на часы.

Тепло, теплее, горячо.... От этих мыслей по спине побежали мурашки.

Да, с Секельдявкой надо кончать – отступать уж некуда: секс с ней не награда за пятихатку, а какое-то наказание Божье. Может, приплачивать, чтоб не звонила? Ах, бедный я, несчастный.... Спасти от Булкиной меня теперь может разве только чудо, да не такой тут случай, чтобы Провидению чудесами разбрасываться – спастись надо самому, пока идут старинные часы. Боцман наш, помнится, говаривал – стоять не будет, застрелюсь. А мне еще шанс был бежать. Хотелось б только знать – Господи, за какой из многочисленных моих грехов ты наказал меня этой близостью?

Если окинуть взором жизнь мою, не так уж много будет женщин, у которых стоило бы мне просить прощения. Я не бросал беременных, не врал, когда шептал на ухо, что люблю. Всегда был верен той, с коей делил постель и не искал усад на стороне. Не слыл завсегдатаем борделей. Когда путан возил, таксуя, брал, что давали – деньги, натуру: ведь я не ханжа. Да, было дело – на своем жизненном пути много женщин перебрал, но на то была Господня воля. Мне бы и одной хватило, чтобы с ней по жизни навсегда, но не Судьба.

Надо признать – на пенсионном пороге я так и не превратился в мужика с цельным, твердым характером и полной ясностью насчет того, что в жизни важно, а что пустяки и внимания не заслуживает. Жил не тужил – как всякий здоровый мужчина, заглядывался на красивых или просто привлекательных женщин (а таковых во все времена найдется предостаточно), и, если был свободен, а барышня особенно нравилась, шел на контакт.

Умел ли добиваться дам? Да, когда нравились – опыта не занимать, а пуще того, знания женского сердца. Главное – добиться их доверия и не обмануть.

Так почему с таким инструментарием не смог создать и сохранить семьи? Обычная история, даже пошлая – таких вокруг полным-полно. Я был женат, любил жену, а мною взяли и пренебрегли. Еще раз попробовать? Нет уж, слуга покорный. С меня довольно – Чингачгук не наступает на грабли трижды (дважды умудрился вождь краснокожих). Если бы не писательский зуд, был бы я сейчас горьким пьяницей. Если бы был....

Но откуда, сам не пойму, завелась у меня эта толстовщина – врезали по щеке, подставь другую. И ладно бы вообще, а то ведь только для женского пола. Кем и за что проклят был? Чьи грехи искупаю? Дед с отцом, гласит история, были примерные семьянины.

Может, мне Бог судил жениться на Секельдявке? Ну, пусть некрасива, зато не глупа – вон она как разницу-то легко нашла между правдой и истиной: истина, мол, для всех одна, а правда у каждого своя. Это из темы Добра и Зла. Что ж, можно подумать над перспективой: она будет истины изрекать, а я за ней успевать-записывать. Тем и прославлюсь. Бред!

Вот так я терзался, борясь с желанием избавиться от душившего плоть и душу ярма и нежеланием поступать против течения обстоятельств. Где и когда потерял опору? Всегда считал, что жизнь есть преодоления Зла и борьба за Добро, а не капитуляция перед негодаями. Как же Булкина легко сумела расшатать эти устои – мол, нет ни Добра, ни Зла, а есть люди и их интересы.

Но что мне далась эта Секельдявка? Сказать – отвали, да и все дела. Но не так это просто – не квадратура круга: жил себе, жил непорочно, а потом увлек барышню и бросил, не пере-

воспитав, не сделав лучше. Экий Родион Раскольников! Нет, точно знаю – совесть замучает, и прощай тогда прежняя жизнь-благодать. Вот если бы она мне сказала – отвали к черту! – я бы ее на радостях расцеловал. Да разве дождешься – вот когда понял, что не куртизанку за пятихатку купил, а себя продал. Не хотел напрягов в отношениях, а угодил в моральный оцип. Да-а, поторопыжничал, выбивая Светку из сердца... Вот меня за что Бог наказал.

И надо же, кем наказал! Обычно сердечное трепетание вызывали у меня голубоглазые блондинки с точеной фигуркой, как у Мэрилин Монро. Или царственные брюнетки со жгучим взглядом черных очей и нежным изгибом белой беззащитной шеи – ну, как Клеопатра в исполнении Элизабет Тейлор. Или, как Светка, с огненной шевелюрой, смешливыми ямочками на щечках и дерзким вызовом в карих очах. А эта была неказистой, с недооципанными блеклыми волосами, да еще и в очках.

Короче, вывод ясен и прост – у меня паранойя.

(Паранойя – это такая штука, когда тебе все понятно, а другим объяснить невозможно).

3

Дорога, дорога... – одна из бед России, но и причина двум извечным русским удовольствиям: дорожному пению и дорожной беседе. Литературные классики утверждают, что из этого корня произросла вся наша отечественная словесность, с её неспешностью, душевностью и беспредельной раскрепощенностью мысли. Где еще можно почувствовать себя свободным в этой вечно несвободной стране? Лишь в дороге – где ни забот, ни семьи, ни начальника (черт его дери!). Разве только менты – но это наши проблемы, а не пассажиров. Как человеку с человеком по душам не поговорить? Можно откровенно, можно и с три короба наплести – ибо главное тут не правдивость, а обстоятельность. И ещё – куда из машины денешься на ходу? Так что, не рыпайся – сиди и слушай, да врать не мешай.

Моя одинокая пассажирка не склонна была к диалогу с незнакомым водителем – на все попытки, сплошное молчание либо непонятное в ответ мычание. Да и Бог с ней! Переключил внимание на окружающую среду. Выпавший ночью снег искрился на обочинах под лучами восходящего солнца. Чернел накат дорожного полотна обманчивым цветом – не асфальт, лед сплошной. Никуда не денешься – причуды весны: ночью снег, утром капель. Но как хорош небосклон, чудесной раскраской осеняющий душу. Мир тебе, земля славян – света, радости и тепла!

В последние дни весенние утра редко выдавались так хороши, как нынче. Не удержался, сказал глухонемой пассажирке:

– Посмотрите на небо – какая чудесная пастораль.

Так расчувствовался, что в носу сделалось щекотно. А ей хоть бы хны – должно быть, мыслями витала где-то вдали, если они у нее были.

Очарование небесным волшебством красок было нарушено неожиданно и самым жесточайшим образом. Из встречного потока машин вдруг вынесло мне навстречу «таблетку» с ментовскими атрибутами – и ну вертеть её, и ну крутить. Жаль, что в кювет не утянуло сходу.

Что мне оставалось делать? Зажмуриться: «Отченашижеесинанебеси» и давить на тормоз всей силой ноги? На такой скорости по голому льду это чревато. Крутнул руль на обочину, уклоняясь от столкновения. Потом обратно – в кювет тоже нырять не хотелось. И тут моя «пятерка», будто оборвав повод, превратилась в неуправляемую и строптивую кобылицу, завертевшуюся на дороге не хуже «таблетки».

Над ухом противно завывала молчаливая пассажирка. А в оцепеневшем сознании прозвучал чей-то глас, отчетливо и печально: «Не уйдешь». Душу мгновенно пронзил страх. Один оверштаг, другой... Сейчас, вот сейчас будет удар, и все навсегда для меня закончится... Ком застрял в горле – ни вздохнуть, ни... прокашляться.

Странное ощущение – будто машина, кутясь, катит по каким-то рельсам, и мне с них не съехать, ни повернуть назад, сколь и куда не верти баранку. Вот она, разминувшись с «таблеткой», сама уже на встречной полосе – все машины от неё врассыпную. А в голове замелькали мысли: «Уйду... ещё чуть-чуть... ушел... слава Богу!». И что вы думаете? Не ушел. Уже на обочине догнала «десятка» и так шандарахнула, что... не горюй, мама! В переднее правое колесо своим рылом, потом ещё кормой в корму....

Все, стоим – оверштаги закончились. Спасибо Господу – живы!

Тихо плакала на заднем сидении моя молчаливая пассажирка.

Оглянулся:

– Вам плохо?

У неё в кровь рассечена щека от удара о спинку сидения.

Со мной что? Кружится голова, колено саднит, болят ступни и, кажется, выбита кисть правой руки. Ну, мы, ладно, живы – что в том авто?

Из битой «десятки» выбрался тощий субъект с узкими плечами. Обошел машину, покачал головой – беда, беда – и сунул в рот сигарету. Мне выбравшемуся из «пятерки» сказал:

– Ну, как же ты так неосторожно?

Я ничего не ответил, только опустил голову, но взгляд при этом опускать не стал – в общем, что называется, набычился и подумал: «Дурак всегда обвиняет других, умный себя, мудрый же винит обстоятельства». И еще: «Пока беды не стряслось, не психуешь, потому что не из-за чего; а когда она нагрянула, психовать уже поздно. Двойная польза для нервной системы». Тем и успокоил себя – не стал препираться.

А вот и менты из «таблетки» спешат.

– Все живы? – вопрос риторический.

Выбрался водитель «десятки», лаская шишку на голове. Впрочем, на пальцах кровь – значит, с головой что-то серьезнее. Ба, да это Андрей Перчаткин – мы с ним работали в такси «Дилижанс». Следом подруга его без царапин. Ну, слава Богу, живы все.

– Кому-то в больницу надо? – суетились менты, такие мягонькие, прямо шелковые.

Ну, правильно, нашкодили, скоты, теперь готовы на брюхе ползать и хвостом вилять – легавое племя.

Перчаткин взглянул на меня, узнал, но и виду не подал, что знакомы – лишь сглотнул громко и судорожно, губы его задрожали.

Подъехали гаишники:

– Давайте, рассказывайте, что здесь случилось.

Пусть разбираются – за то им и платят.

Смирившись с мыслью, что это не сон – разбита машина и сам поврежден, подумал не к месту: не было б счастья, да несчастье спасает. И позвонил Булкиной Вере.

– Привет. Такое дело – попал в аварию: машину разбил, сам пострадал, так что не смогу больше платить тебе за любовь. Извини.

Какие-то ненужные вопросы, восклицания.

Нет, без денег она ко мне ни ногой: так получалось по психологии – науке, к которой я всегда относился с большим уважением.

– Все – мне некогда. Прости и прощай....

Уф, одной неприятностью стало меньше. Теперь другая....

Гаишники, измерив расстояния, зарисовали план диспозиции. Потом выслушали показания. Один весело подмигнул:

– Ты не виновен, он не виноват – стало быть, судьба такая. Кого ж винить?

– Вон тот «УАЗик».

«Таблетки» и след простыл.

– Почему вы их отпустили?

Второй гаишник эрудит:

– Русь, куда несешься ты? Не дает ответа.

А потом все устроил как надо – вызвал эвакуатор, мне сказал:

– Отвезешь машину и в ГИБДД.

Вот еще проблема – куда ее деть? В гараж не затолкать, во дворе не бросить: в «пятерочке» нет целых стекол, двери повреждены – мигом разграбят. Обратился к разуму, и тот, молодчага, сразу помог. К Генке Соколову надо под окна поставить – у него свой дом как раз напротив моего балкона. И мне видать, да и любители чужого добра поостерегутся тырить – Геннадий авторитет в Увелке.

Сокол оказался дома и был непротив. Осмотрев машину, приценился сразу:

– Беру за двадцать пять, столько же вложу – продам за семьдесят.

– Не продашь, – остудил его предпринимательский пыл, – нет документов: кредит не погашен.

Поехал в город, в ГИБДД, размышляя о своем печальном будущем.

Тут уже всё решили – я виноват.

– Пиши объяснение.

– Не умею левой, – продемонстрировал распухшую кисть правой руки.

Мой отказ гаишников позабавил:

– Так и запишем – от объяснений отказался. В трубку дунем или сразу в больницу едем для принудительной сдачи крови на предмет присутствия в ней алкоголя?

А я подумал: вас бы самих в больничную палату – в ту, что с решеткою на окне. И после этой мысли со мной случилось удивительная метаморфоза – вдруг совершенно избавился от страха перед ментами. На то были причины – машины нет, права у них, и навсегда пропало желание садиться за руль. А пассажиру или пешеходу козлы с полосатыми палками да в погонах не так уж страшны. Настроение стало боевое, отчасти фаталистическое – все, что в силах моих, было сделано, а над прочим властен лишь Промысел Божий.

Подсунули протокол:

– Прочитай, распишись.

Я прочитал:

– Чего, чего? Я виноват? Окстись, офицер. Ты почему «таблетку-то» отпустил – ведь я же тебе говорил: с неё вся катавасия заварилась. Так, ясно – своих выгораживаете? Посмотрим, что скажет на это суд.

Они растерялись, я же чувствовал себя на коне – никакого напряжения в душе, лишь тело болело от травм ДТП, добавляя адреналину. Один заикнулся, что я, мол, не достаточно опытный водитель – не справился с управлением на скорости в гололед и...

– Сынок, – сообщил офицеру, – тебе ещё мамка попку мыла, когда я за руль сел.

Он подскочил с перекошенным злобой лицом:

– Да я, да я... да я тебя сейчас закрою за оскорбление должностного лица при исполнении!

Я потряс рукою, демонстрируя поврежденную кисть:

– А я скажу суду, что покалечили меня вы, понуждая подписать липовый протокол. Вы ж не повезли меня в травмпункт на освидетельствование повреждений, полученных в момент аварии. Значит эти травмы от пыток в камере.

Гаишник сел и рот открыл, глазенки выпучив.

Тут из травмпункта шерочку с машерочкой привезли – Перчаткина с подругой, а офицерик, сопровождавший их, потирал руки:

– Есть легкое, с временной потерей трудоспособности – будем возбуждать административное....

С меня мигом слетел кураж, а в голове задергалась паническая мыслишка: сейчас, в эту самую минуту решится моя судьба. Обида и стыд придавили апломб и раздавили душу – почувствовал себя вдруг самой жалкой тварью на всем белом свете. О суетливом менте с презрением подумал: наверное, премию получит гад – ишь, как ликует.

Да еще Перчаткин плюнул в душу – заныл пискляво:

– Ты, ты виноват – не я же....

Гаишник снова подсунул протокол:

– Подписывай.

На мое угрюмое молчание:

– Ну, хорошо – суд так суд. Только учти, проиграешь – «десятку» будешь восстанавливать сам. С твоей пассажирки ребята из «таблетки» сняли показания, что вез за деньги – значит бомбил, а у тебя услуги такси страховкой запрещены. Если компания узнает, платить откажется – будешь ты.

Была такая перспектива. Нытика Перчаткина я пожалел:

– Ладно, если допишешь, как причину ДТП, помеху на дороге.

Он дописал – я подписал, что признаю себя виноватым.

Менты обрадовались – то-то. Пусть себе: радость свята, это горе – зло.

Впрочем, нельзя сказать, что мне доставляло удовольствие этих козлов дразнить. Надо было добираться домой и думать, как и на что дальше жить. О том, что надо бы тоже в травм-пункт показаться, я не сообразил.

Пошел, а менты ехидненько за спиной:

– Жди повесточки в суд, горе-водитель...

Мне было скверно. Во всех смыслах – и физически, и нравственно. Раскалывалась голова, ныло израненное тело, изнутри накатывала тошнота. Автобус укачивал – я не ездил на нем, наверное, с прошлого столетия.

Открыл окошечко, вдохнул сырой воздух, но легче не стало. Меня трясло. От обиды, усталости, ярости и унижения. Всё на свете казалось теперь не таким, как представлялось раньше. Во всяком случае, многое. Понимал – это после аварии такие произошли перемены. Мир изменился. Жизнь изменилась. Всё изменилось. В плохую сторону. И мир, и жизнь, и сам я утратили незамутненную ясность. Что с этим делать, как дальше жить – непонятно. Но так, как раньше, уже не будет – очевидно.

Добрался до дома, лег на диван, не раздеваясь – спать, спать, полкоролевства за сон. Впрочем, откуда у меня полкоролевства – битая машина, невыкупленная из кредита, съемная квартира, и ноль целых хрен десятых в левом и правом карманах брюк. Сейчас бы плоточек водки для снятия стресса, но не держу – не хватало ещё в зрелом возрасте втянуться в пьянство.

Лежал, закинув здоровую руку за голову, время от времени поглядывая на окно – светлю. Когда же этот кошмарный день закончится? Думал о Светке – жалел, что стер её номер в мобильнике. Позвонил бы сейчас, и она принеслась... наверное. От нежности к ней и жалости к себе на глазах выступили слезы.

Когда первое потрясение ослабело, попробовал просчитать варианты дальнейшей жизни. Бомбить теперь не на чем. Искать работу? Но я уже отвык под кого-то гнуться. В примачки к какой-нибудь матроне пойти – предложения были – хозяйство вести, машину ей мыть... Но там чужие дети и внуки. Не нужен им Анатолий Агарков, да и они мне на хрен нужны.

Варианты были перебраны для проформы. Я все больше склонялся и почти утвердился в суицидной мысли: «Что ж, прожито. Можно бы и подостойней, но уж как вышло, так вышло...». Пистолетик бы мне, и оставить записку: «А ну вас всех...»

Потом подумал, сейчас засну – проснусь, и весь этот кошмар с ДТП окажется недоразумением. Как заведенный, про себя повторял: «Да нет же, нет, нет, нет, не может этого быть...». Так и отчаявшись уснуть, уткнулся носом в подушку и зарыдал. Слезы не принесли облегчения – и голове стало хуже, и сердце схватила боль. А потом совсем неожиданно провалился в сон, который был хренолее яви.

На дороге играли малыши, по которой неслась моя «пятерка». Ударил по тормозам, и машина рванула в небо. Чей-то голос: «К нам айда, божий раб – отмучился». Я не видел, кто это говорил, но возразил: «Я, конечно, смертный, но... Бога нет, нет Ада и Рая». В ответ: «Тогда живи – ты еще не созрел». Машина полетела вниз, кувыркаясь, грохнулась о земную твердь. Я проснулся в холодном поту. Малыши под колесами! Господи, думаю, как хорошо, что ты разбил это бензиновое чудовище!

А вот и вечер – темно за окном. Разделся и залез в ванну. Теперь досуг разглядеть болячки. Ступни опухли и посинели. Сломаны? Потрескались? Мышцы повреждены? Левое колено больше соседнего и саднит, зараза – спасибо, хоть гнется. Правая кисть болит и опухла. И голова постоянно кружится. Форменный инвалид. Из груди вырвалось глухое, сдавленное рыдание – никому не нужный инвалид.

Как разительно отличается сегодняшний вечер от вчерашнего! Как ненужно все, на что падает взгляд. Как сиротливо вокруг. Мир стал пустым.

Почему это случилось со мной? Почему? Может, это знамение свыше? Пора, мол, менять, Анатолий, профессиональное амплуа. Для того и сберег меня от гибели, чтобы использовать в новой роли. Только в какой? Чей голос я слышал в момент аварии и потом во сне? Из жизненного опыта твердо знал: если хочешь и можешь верить в чудо – верь: не хочешь и не можешь – найди рациональное объяснение. А что на свете много явлений, которые представляются нам сверхъестественными, а после находят научное разъяснение, так это давно известно. Откуда же этот глас? Может, я – избранный?

Посттравматический синдром.

Пусть горько, больно, обидно, но великая цель требовала великих жертв. Эта мысль укрепила дух только на вечер, а ночь опять провел, как в бреду. Лишь сознание прикорнет на мгновение, тут же вижу малышей под колесами и следом акробатические виражи на машине в заоблачной невесомости. Когда окончательно проснулся, подумал – врача надо вызвать. Но как позвонить с мобильного в «Скорую» не знал. Сел на диване, опустив изуродованные ступни на пол, и горько покачал головой. По щекам, капая на пол, текли слезы, но я этого не замечал. Или не хотел обращать внимания. Однако увидел, как за окном кружатся снежинки – зима не сдавалась.

Позавтракав быстрорастворимой лапшой из пакета, лег и уснул. Уснул и снова увидел сон. Разумеется, неприятный, потому что жизнь начиналась тяжелая, и хорошим сном неоткуда брать. Но этот сон был совсем уж из ряда вон, так что и пересказывать не хочется. Не хочется, но придется – иначе непонятно будет, как я эти дни жил.

Приснилось мне кладбище наше увельское – рядом с двумя могилами яма разрытая, гроб открытый, в гробу я. На лавочке сидят покойные ныне мама и папа, в стороне плачет здравствующая сестра, тычет пальцем в пустую яму, жалуется родителям:

– Это мое место, он без очереди лезет.

Из гроба я:

– Скорей приколачивайте крышку, опускайте и засыпайте – вам со мной будет лучше...

Тут надобно пояснить, что после смерти мамы (папа умер годами раньше), дом родительский продали, и я стал бездомным.

Мама:

– А я тебе говорила: вот помру, выгонит тебя сестра из дому.

Так и случилось.

– Сынок, – сказал папа глухо, – ты обещал книгу обо мне написать. Написал? Всю жизнь на вас, паразитов, положил, и никакой благодарности.

– Ты что ругаешься? – ахнула мама. – В кои веки семьей собрались, а ты аркаешься.

Мамина речь аппетит разбудила:

– Сейчас бы жареной картошечки с луком.

И все разом на сестру посмотрели.

Она вдруг прикинулась пьяной (наша трезвенница?!) и немзыкально запела:

– Как у-па-ительны в России вечера!

Вечер между тем был волшебный. Хотя и темноватый из-за низкой облачности, но свежий, наполненный ароматом сирени.

Положение было двусмысленное, ужасное, и с каждой минутой делалось все невыносимей. Но, положив руку на сердце: могила – то ли самое место, из-за которого стоит драться? Или по принципу: раз кому-то нужна, стало быть, и мне туда. Совковый принцип!

Усилием воли изгнав из организма всякое трепетание, я изготовился к бою с сестрой за место в гробу – дом продала, но уж эту-то домовину я отстою. Здесь впервые за тягостный

сон ощутил нечто наподобие душевного подъема или, говоря по другому, озарения – конечно, мне, покалеченному, с нею не справиться, так её надо обмануть. Но как это сделать?

Увы. Бывают обстоятельства, над которыми не властен даже человек изобретательный и умный, коим я себя мнил. Каким-то неуловимым движением, а может, микро провалом во времени, сестра оказалась рядом и выкинула меня из гроба, как куль, методом кантовки. Взмахнув руками и прокрутившись пару раз вокруг собственной оси, рухнул в яму.

Когда верчение перед глазами закончилось, я ощутил не боль, а онемение всех членов – как говорится: ни рукой, ни ногой не шевельнуть. Может быть, это был шок? А, вспомнил – это ведь сон, но уж больно хреновый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.